

“У этого режиссера я готов играть хоть табуретку!”

— Трудно сказать. Я себя уродом никогда не считал, а об остальном — это судить женщинам. Вот как вы считаете, так я и буду думать. Я нормальный мужик в жизни. Но вы не правы, если думаете, что я играл только положительные и романтические роли. Отрицательных у меня намного больше. Например, “Гений”, “Шизофрения”...

— Но в “Гении” вы тоже соблазнительный и привлекательный мужчина, в которого влюбилась героиня.

— В “Гении”? Да я мошенника играю! Если в вашем понятии мошенник — это положительный герой, то тогда — да.

— Мошенник, который нравится женщинам...

— Вот в “Тюремном романсе” я играю убийцу, который понравился женщине. Опять я такой?!

— Конечно, роковой мужчина...

— Тогда о чем мы с вами говорим?! Этот вопрос не ко мне. Это уже воспитание людей.

— В одном из интервью вы сказали, что можете простить женскую измену, а в другом — что нет. Откуда такое непостоянство?

— Смотря что стоит за словом “измена”. Постель — это еще может быть и не измена. А вот когда она об этом подумала — вот это уже измена. Все дело в том, в какой форме это происходит и что за этим идет дальше. Есть масса вариантов.

— То есть вы не относитесь к тем мужчинам, которые говорят “никогда не прощу”?

— “Никогда не прощу” — это глупость. Надо понять, почему это произошло и можно ли простить. Если я сам виноват в этом, то тогда прощу.

— Правда, что вы никогда не общаетесь с бывшими женщинами? Что мешает остаться хорошими знакомыми?

— Это чушь. Вот с Алферовой мы не только играем в спектакле любимых людей, но и вместе ездим на гастроли. Созваниваемся, разговариваем. Да и с остальными женщинами я общаюсь нормально. А что, мы должны рычать друг на друга и пилить холодильник? Типа: “Я с тобой больше общаться не буду! Э-э-э!” Что поделать, ну так случилось в жизни.

— В вашей жизни были две журналистки, которые, по мнению многих, хотели при помощи вас сделать себе имя. В случае с Дарьей Асламовой вы сказали: “Хочу купить лицензию на отстрел журналистов”, а в случае с Ларисой Штейман никак не прокомментировали ее интервью. Что вы думаете по этому поводу сегодня?

— Это я сказал не Даше, а Насте Ниточкиной. Мы с ней поспорили на ящик виски. Я сказал, что опубликую статью под названием “Хочу купить лицензию на отстрел журналистов”, а Настя заявила, что ни в одной газете Советского Союза никогда ничего подобного не будет. В конце концов статья вышла, но ящик виски я до сих пор от нее не получил. Вот при чем здесь Даша Асламова, да еще в моей жизни? Я вообще не понимаю! Какая Даша Асламова в моей жизни? Я видел ее всего раза два. И какое еще интервью? Я его не читал. А почему я должен его комментировать?

— Но говорят, что зла вы на них не держите...

«Профессия режиссера оказалась для меня весьма трудной и выжала из меня все соки. А сегодня пока второго дыхания не появилось»